

Источник: Вехи Таганрога

Дата выпуска: 2008

Номер выпуска: 36

Заглавие: Война, море и королевский живописец

Автор: В. М. Дубровин

В первых числах августа 1855 года «Легкая эскадра» третий раз входит в Азовское море. На этот раз в ее составе только 5 английских судов. Начальствует над эскадрой тот же 33-летний командующий, а с 6 августа - капитан Шерард Осборн, командир шлюпа «Везувий» (Vesuvius). Командующий - морское воинское звание в английском викторианском флоте, среднее между лейтенантом и капитаном. Две первые декады месяца эскадра находится в западной части моря - у Геническа и Арабатской стрелки. Там она создает угрозу за угрозой одному из главных путей сообщения с Крымом - через Чонгарский мост.

У Таганрога же «Легкая эскадра» не появлялась почти месяц и напряжение стало постепенно отпускать местных жителей. Правда, систему обороны города продолжали укреплять. Соорудили систему траншей по береговой возвышенности, устроили крытые ходы для орудий и войск, показывали все это иностранным консулам, справедливо полагая, что эти сведения быстро дойдут до союзников. В начале августа прибыла в город резервная бригада генерал-майора Лейна, что так же существенно укрепило оборону. Окончено было сооружение в крепости артиллерийской батареи, пристреляны ее орудия. Успокаиваясь, жители возвращались к своим занятиям - ремеслу, торговле, земледелию. Рыбаки опять выходили на промысел в светлое время суток.

Но 19 августа, около полудня, в западной части моря снова показался дым и это мог быть только неприятель. Флагман «Легкой эскадры» колесный 6-пушечный, 3-мачтовый шлюп «Везувий» (Vesuvius), с ним винтовая, 2-пушечная, 3-мачтовая канонерка «Спорщик» (Wrangler) и легкая, 3-пушечная, 2-мачтовая винтовая канонерка «Дробилка» (Grinder) появились у Петрушинской косы. Суда стали на якорь. На мачте «Везувия» взвились сигнальные флаги, и от «Дробилки» к нему поплыла шлюпка. Вернувшись, шлюпка доставила на «Дробилку» джентльмена с большой папкой и принадлежностями для рисования. Это был известный британский художник-маринист Освальд Уолтерс Браерли. Командир судна, лейтенант Френсис Гамильтон любезно предложил гостю свое кресло на палубе. Тот удобно устроился в нем, командир встал рядом со штурвальным, и «Дробилка», легкая канонерка, водоизмещением всего 230 тонн, близнец бесславно погибшей у Кривой косы «Яшмы» (Jasper), полным ходом пошла к Таганрогу. Командир судна имел задание произвести разведку таганрогской береговой батареи, которая, как знали англичане, сооружается в старой крепости. Более месяца назад, 7 июля, канонерка «Яшма» с Шерардом Осборном на борту подходила к Таганрогу с той же целью. «Яшма» тогда дала 2 выстрела по крепости, которые остались без ответа. Теперь предстояла новая проверка. Вскоре с палубы «Дробилки» были замечены два рыбацких судна: двухмачтовое и поменьше, с одной мачтой. Канонерка устремилась в погоню. Художник оживился, достал принадлежности, карандаш быстро забегал по бумаге. После недолгой погони англичане взяли рыбаков на буксир. Видимо, баркасы были с рыбой, да непростой, иначе англичане их попросту потопили бы. С баркасами на буксире «Дробилка» подошла на пушечный выстрел к городу. Артиллеристы по команде сноровисто изготовили к стрельбе 68-фунтовую гаубицу, и первый выстрел грохнул, оглушил, потряс воздух и воды. Унесся вдаль снаряд, вернулось от высокого берега раскатистое эхо. Но не успело оно затихнуть, как в старой крепости на обрыве, над Петровским бассейном, блеснул огонек пушечного выстрела, затем другой, расплзлось дымовое облако. Докатились глухие звуки залпов, почти одновременно с ними, за канонеркой, с перелетом один за другим, взметнулись два всплеска. «Двадцатичетырехфунтовые, сэр», - доложил командиру опытный боцман. Не прошло и минуты, как над обрывом блеснули друг за другом еще два огонька и вновь два

всплеска взметнулись с перелетом, но теперь ближе к судну. Батарея вела огонь очередями. «Одного их ядра нам за глаза хватит», - сказал боцман в стороне, ни к кому не обращаясь. Артиллеристы канонерки закладывали новый заряд в гаубицу. Художник, встав с кресла, обратил лицо в сторону берега, эскизы рассыпались по палубе. Обрыв вновь окутался дымом, и вновь два всплеска выросли неподалеку от борта канонерки. Командир по переговорной трубе что-то прокричал механику. За кормой забурилась вода. Канонерка, которая была в дрейфе, двинулась, набирая ход. Снова блеснули огоньки выстрелов, и два снаряда всплеснули перед самым носом канонерки. Командир крикнул рулевому, тот бешено завертел штурвал. «Дробилка» развернулась в сторону моря, всё набирая ход. Густой черный дым валил из ее трубы. Ее гаубица молчала - невозможно навести на цель во время непрерывного маневрирования. Новые всплески. Вновь бешено завертелся штурвал, резко разворачивая судно. Канонерка шла полным ходом, выходя из-под огня крепости. Грохнула гаубица в сторону берега, уже совершенно бесприцельно, не оставляя же орудие заряженным. «Это рыбаки, сэр», - доложил боцман. Командир, не понимая, оглянулся. На буксире за кормой тащился только один двухмачтовый баркас, другой виднелся далеко сзади. «Они обрезают буксир», - сказал боцман. «Я поставлю на корме матросов с ружьями, чтобы и эти не улизнули». Командир кивнул. «Сколько пушек в береговой батарее, боцман?» - спросил он. «Восемь пушек стреляло, сэр, - сказал боцман, - восемь 24-фунтовых». Артиллеристы канонерки закрепляли гаубицу по-походному. Напряжение боя уходило, все постепенно успокаивались. На палубе матрос собрал и подал художнику его рисовальные принадлежности, тот взял их с отсутствующим видом и медленно опустился обратно в кресло. По прибытию к «Везувии», лейтенант Гамильтон на гичке отправился на доклад к командующему «Легкой эскадрой», с ним отбыл и художник. Вернувшись, командир «Дробилки» уселся в свое освободившееся кресло и с наслаждением вытянул ноги. Настроение у офицера было неважное. Вот уже семь лет он в лейтенантском звании и никаких надежд на лучшее. Не сравнить с Бургойном, командиром «Спорщика». Тому всего лишь 22 года, а он уже командует канонеркой более высокого ранга и без пяти минут кавалер ордена «Крест Виктории». И не потому что особые таланты, а просто единственный сын маршала сэра Джона Бургойна. У Френсиса же ни влиятельного родства, ни связей, ни денег. Было от чего хандрить. От себя добавим, что Гамильтон еще 12 лет будет ходить в лейтенантах прежде чем подаст в отставку.

По событиям этого дня королевский художник сэр Освальд Уолтерс Браерли написал картину «Канонерка «Дробилка» преследует русские суда в устье Дона». Картина хранится в Национальном Морском музее Британии. Бой канонерки с Таганрогской береговой батареей сэр Освальд даже не эскизировал, недосуг было.

Захваченный баркас с рыбой Осборн приказал передать на буксир «Везувия».

Затем эти три судна перешли к Кривой косе. Они подходят к поселку Кирпичево, расположенного у основания косы, становятся на якорь. Гичка с канонерки «Спорщик» плывет к «Везувии» и доставляет художника с рисовальными принадлежностями на канонерку. Лейтенант Хью Бургойн любезно предлагает гостю командирское кресло. Художнику предлагается случай наблюдать высадку десанта диверсантов. По сигналу с «Везувия» весь отряд судов открывает орудийный огонь по берегу. После довольно продолжительного обстрела «Спорщик» спускает на воду гичку с пятью моряками. Четверо поджигателей, во главе с боцманом канонерки, высаживаются на берег жечь крестьянские избы. Однако на берегу их уже ждали. В Кирпичеве находилась полусотня казаков под командой есаула Тарасова. Есаул применил для борьбы с неприятелем старый казачий способ - устройство засад. При появлении на горизонте неприятельских судов его отряд прятался, не обнаруживая себя, а при высадке десанта внезапно выскакивал из засады и нападал на врага. 6 июля гичка «Дробилки» с несколькими десантниками только чудом ушла от Тарасова и, видимо, не без потерь. Тот урок англичане не усвоили и вот сейчас, подпалив три избы, попадают-таки в засаду к казакам. Они пытаются удрать, и одному, самому резвому, это удастся, он добегают до гички с гребцом, второй падает тяжело раненым. Все это происходит на глазах экипажей каноне-

рок, все это наблюдает и Освальд Браерли. Боцман с помощником, будучи отрезанными от моря, пытаясь спастись, ввалились в какую-то протоку с очень вязким дном. Мокрые, грязные с головы до ног, они оказались в руках у казаков и с ужасом ожидали своей участи - быть повешенными. Такая кара полагалась за пиратство в Англии и именно на этом они попались. Перепуганный боцман назвал командиром канонерки, надеясь, что командира-то казнить не будут. Он и имя сообщил - Бургойн. Но хитрил он зря. Им дали чистую сухую одежду, их накормили, угостили их пуншем и они несколько успокоились. В общем, в Кирпичеве дело кончилось тем, что есаул Тарасов сам отвез боцмана-капитана и его помощника под конвоем на трех почтовых экипажах в Таганрог, сдав генералу Краснову. Быстро выяснилось (да и скрывать дальше было невозможно, в конце концов англичан допрашивали люди более осведомленные, чем есаул Тарасов), что боцмана «неверно поняли», он не капитан. Дальше началась путаница. Чего в ней было больше, от лукавства боцмана или от плохого перевода, сегодня уж и не понять. Назвались наши герои, как значится в книге известного таганрогского краеведа Филевского, Одвейн и Кольгрей. Имя Одвейн (Odevaine) - истинное имя помощника боцмана. А вот насчет своего имени, боцман солгал. Истинное его имя Kellaway, звучит как Келлоэй. Этот боцман много чего наговорил. По материалам первого его допроса пошла кочевать из одной исторической статьи (повести) в другую легенда о численности десанта в 80 человек, иногда встречается и вовсе несуразная цифра десанта на Кривую косу - 300 человек, о захвате в плен «капитана» пароходофрегата «Врангель» Бергойма (или Бергайма). На самом деле, цифра 80 - это численность экипажа канонерки «Спорщик» (Wrangler), цифра 300 — скорее всего отзвуки сведений о высадке десанта в Таганроге. «Капитан» Бургойн никогда ни в каком плену не был. После окончания войны он был награжден за высадку в Геническе орденом «Крест Виктория», дослужился до звания капитана и утонул со своим судном в сильный шторм в 1870 году.

Боцмана после войны отпустили домой, в Англию. Там бывший военнопленный тоже много кой-чего понарасказывал, да такого, что и до Ее Величества дошло. Ее Королевское Величество пожелала непременно наградить боцмана и обязательно наивысшей наградой Британской Империи. Боцман получил на грудь Крест Виктории. И вот как в наградной реяции выглядел его подвиг: «...боцман Келлоэй ...с помощником и тремя моряками был высажен на берегу, чтобы сжечь лодки, рыбацкие станы и стога сена... Они... попали в засаду 50 русским. Один моряк был ранен, но боцман и два моряка убежали, однако помощник случайно упал и боцман вернулся, что бы помочь ему, при этом они были окружены врагами и несмотря на доблестное сопротивление боцмана взяты в плен». (Wikipedia. Английская всемирная свободная энциклопедия).

Как видим, если и есть обман, то самый невинный: крестьянские избы заменяются стогами сена, то есть разбой подменяется, гм... доблестным уничтожением, как бы, воинского фуража, немного приукрашиваются обстоятельства, добавляется мотив, опять же, доблестного спасения соратника под огнем врага и уже не виселица полагается нашему «герою», а высшая награда. Не знаю, может тот, кто представлял его к награде и был простаком, но то, что боцман большой ловкач, несомненно. Кого только не приходилось награждать Ее Королевскому Величеству.

А в тот день «Везувий», «Спорщик» и «Дробилка», не сделав больше ни одного выстрела, ушли от Кирпичево. Больше туда не подойдет ни одно английское судно. Англичане направились к косе Белосарайской. Прошли всего лишь сутки с прихода англичан в Таганрогский залив. На календаре было 20 августа по старому стилю.

Отряд подверг селения на Белосарайской косе мстительной, жестокой и продолжительной бомбардировке. У тамошних жителей заканчивался обмолот зерновых, повсюду стояли скирды соломы, амбары были полны зерна, работало много рабочего скота. Все это сейчас было в огне. Люди метались среди горящих построек в грохоте разрывов, реве обезумевших животных, криков о помощи, спасая самих себя, детей, немощных своих родственников. Шесть пушек «Легкой эскадры» несколько часов извергали смерть и раз-

рушения. Освальд успел сделать множество набросков, благо времени было достаточно. Известны его литографии: «Везувий», «Спорщик» и «Дробилка» разрушают склады на Белосарайской косе»; «Везувий» разрушает склады в море Азов»; «Везувий», «Спорщик», «Дробилка» у Белосарайской косы». Разумеется, на его картинах изображены были под огнем англичан не мирные жители, а войска. На одной из акварелей изображен и тот двухмачтовый баркас на буксире за кормой «Везувия». Какие-либо произведения Браерли на тему неудавшегося десанта в Кирпичево не известны.

Прошли два августовских дня. Таким же, примерно, содержанием были наполнены и остальные дни и месяцы пребывания английских военных кораблей в Азовском море.